

ЭКРАН И СЦЕНА

26 марта — 9 апреля — с 1, 16

Мстислава Ростроповича с его шестидесятипятилетием «ЭС» мечтала поздравить вовремя. Но этот номер у нас не прошел. Вернее, соответствующий дате номер «ЭС» не вышел. Поэтому поздравляем как раз позже всех. Но поздравляем ведь! Великого музыканта и обыкновенного мужественного человека. Нового российского мецената и просто мужа замечательной певицы. Увы, не все телеграммы приходят в нужный день. Наша по техническим причинам задержалась и все же летит вдогонку ускользающей дате со словами: Дорогой Мстислав Леопольдович (вск) Здоровья (вск) Счастья (вск) Любви (вск) И любви к Родине (вск) Вторую неделю пьем ваше здоровье (вск) «ЭС» (тчк)

Он прилетел в Москву, как смерч. Закружил всех, закружился сам и исчез так же мгновенно, как возник. Но оставил после себя чистейший озоновый слой. Если нам в нашей сегодняшней жизни не хватает чего-то одного, так именно этого — первоначальной и мудрой доброты. Была бы она, а все остальное приложилось бы.

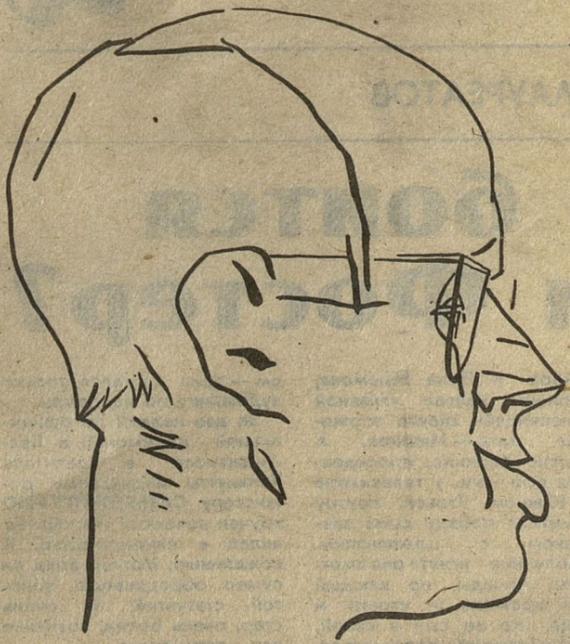
Истинный талант прежде всего добр. Ему не тесно на белом свете. Он ищет себе подобных. И счастлив, когда находит. И взывает ко всем: дайте, дайте дорогу таланту!

Короткое интервью перед телекамерой. Почти у трапа только приземлившегося самолета. Миг свидания с Родиной. И вся жизнь в этом миге. Расставание, увы, было только у нас. У него перерыва не было.

(Смотрите 16 страницу).

Рисунок Владимира Федоровича.

Мстислав
РОСТРОПОВИЧ:

«Я ОТДАЮ
СЕБЯ
НА ВАШ СУД,
МОИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!»

МОИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ!»

И вот что он сказал.
— Москва, спасибо тебе за любовь к Вишневской. Спасибо вам за любовь к женщине, которую родила великая русская земля. Спасибо вам за любовь к человеку, который, несмотря на огромные трудности восемнадцатилетнего изгнания, пронес этот огонь любви к своей стране, огонь любви к своей Родине. Трудно пройти через страдания, однако французская поговорка в переводе на русский язык звучит так: чтобы быть красивым, надо страдать. Вот. Она выстрадала свою красоту, и я счастлив и благодарю москвичей, всех вас за то, что вы ее так встречали. Спасибо от всего сердца, что я могу еще сказать?!
— Вы на концерте предстали перед нами в качестве...

— В качестве мужа. Я думаю, что это один из самых крупных титулов, которые я имею в собственной жизни! Титул мужа Вишневской, он равносителен тем 35 титулам доктора Онуфриуса, которые я имею в университетах всего мира. Муж Вишневской — это самый ценный для меня.

Вот посмотрите, здесь сидит человек, которого я приволок сюда из Амстердама. Приволок. Это Борис Александрович Покровский. Я думаю, что за 35 лет, примерно 35 лет жизни с Вишневской, я делал ей много подарков. Я не буду говорить какие, чтобы не устраивать семейных раздоров среди тех людей, которые будут слушать это интервью. Но я делал хорошие подарки! Однако самый великий подарок в ее жизни, который я сделал, это то, что сорвал с репетиции сегодня утром Покровского и приволок его сюда из Амстердама в подарок Вишневской на завтрашний день. Но завтра утром я должен доставить Покровского вместе с собой обратно в Амстердам на репетицию, которая начинается в 3.30 в понедельник.

Мы репетируем оперу Шнитке, которая называется «Жизнь с идиотом». Это, может быть, единственная опера, единственное сочинение, которое олицетворяет собой всю трагедию нашей системы, все наши страдания. Все наши мытарства. И вот Покровский ставит этот спектакль, а я дирижирую в Амстердаме.

Я хочу сказать вам, дорогие друзья, стремитесь когда-нибудь посмотреть этот спектакль. Стремитесь увидеть гениальное воплощение действительно величайшего, гениального режиссера мира — Бориса Александровича Покровского. 17 лет мы не были вместе из-за вынужденной паузы. Сейчас мы объединились в Амстердаме. Это мой самый прекрасный сон. А пока я привез его сюда — я хочу обязать его ленточкой в качестве подарка Вишневской.

Наконец в нашей жизни мы пришли к сложности нашей жизни. Нам долго внушали, что все очень просто. Мир,

дружба народов. Все это очень просто. Сейчас мы встали перед стеной проблем. Вот эта стена проблем — это первая опера Шнитке.

Я думаю, что за всю мою долгую жизнь этот период, быть может, самый счастливый. Впервые два месяца я буду находиться в городе Амстердаме. За 18 лет я никогда не останавливался на два месяца в одном городе. А сейчас я останавливаюсь. Я ассистирую каждую репетицию Покровского. Вы знаете, я живу новой жизнью, новой, но своей. Вот так. Я думаю, что это будет событие мирового масштаба и мирового класса.

Я не имею в виду мое участие в

этом. Я имею в виду общую концепцию и все то, что делает Покровский.

Я так откровенен со своей страной, потому что я отдаю себя на ваш суд, мои соотечественники. Поэтому у меня нет никаких ни тайн, ни секретов. Я не хочу приезжать к вам на один день, как я приехал на день Вишневской. Но тут уж семейные обстоятельства, мои родные. Я хочу приехать так, чтобы вам что-то дать и что-то сделать. Я собираюсь приехать сюда 24 сентября 1993 года. Мои планы полны до 1 января 1995 года. Я приезжаю сюда 24 сентября. За день до рождения великого Шостаковича. 25 сентября — святой день для меня. Мо-

жет быть, 20 лет мы не праздновали этот день вместе. Мы приедем за день до этого с национальным оркестром из Вашингтона. И я буду здесь находиться по крайней мере полтора месяца. Я хочу приехать, чтобы чем-то помочь, что-то сделать здесь. Наверное, вы знаете, что сейчас Вишневская организовала хор солистов и оркестра Большого театра. Мы вместе организовали фонд на строительство детского госпиталя. Я думаю, что ваши дети и ваши внуки — это будущее России. Это будущее той страны, что дала всему миру величайшую культуру. И вклад которой никогда не преуменьшится. Мусоргский, Стравинский, Прокофьев, Шостакович, Шнитке, Губайдулина, Щедрин — это та линия, которая обогащает всю мировую культуру. И я горд тем, что я русский. И я горд, что служу России. И когда какая-то бумажка лишает меня гражданства, какое это имеет значение?! Разве лишенный гражданства Стравинский не внес вклад в нашу Россию! Сейчас мы все — русские — разве же не работаем во славу Родины?! Во имя нее, настоящей и свободной!

Мы так много, идиоты, утерали за 74 года. Почти все. И сейчас должны быть солдатами восстановления духа, морали, России.

Кто основал Третьяковскую галерею, кто основал филиал Большого театра? Вы помните, были люди, которые зарабатывали деньги, — буржуазные купцы-соотечественники, которые скупили самые великие творения французских импрессионистов! Мы должны начать все восстанавливать: театр Бориса Покровского в Китай-городе, который должен стать центром российской культуры. Если мы имеем восьмидесятилетнего гения, давайте его используем! Чтобы не было так, как было с Тарковским. Вот Тарковский помер, а через полчаса позвонили его вдове Ларисе и сказали: устроим ему всемирные похороны. Давайте гроб, друзей — и вперед. А я подумал: сволочи! Вы бы сказали ему это за пятнадцать минут до его смерти. Он бы прожил на полчаса больше, на час. Идиоты!

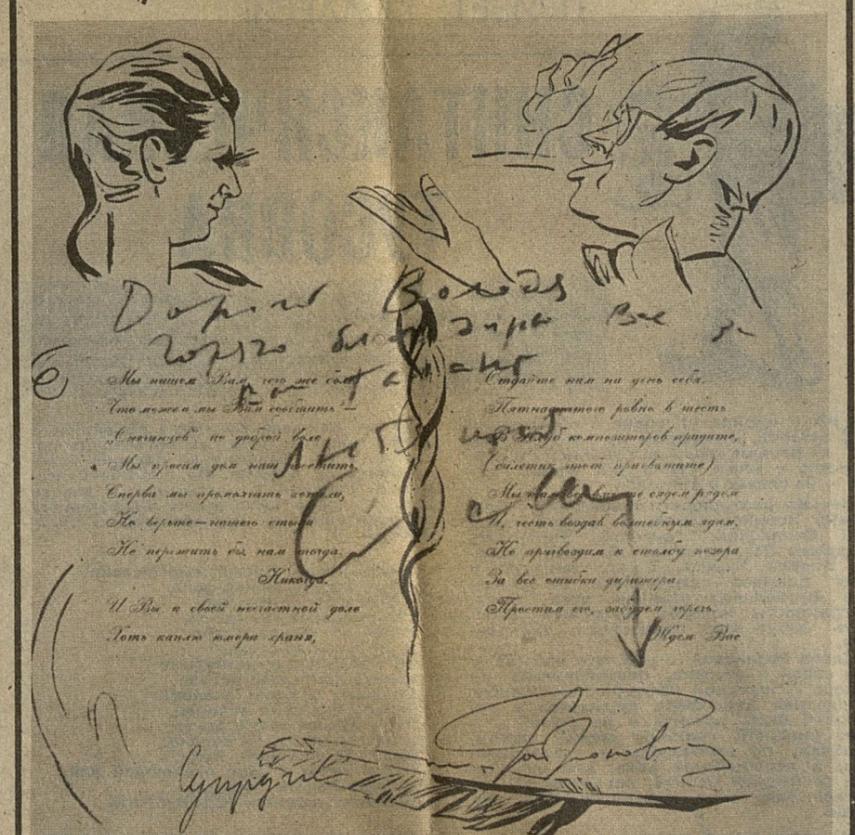
Давайте беречь всех нас! И давайте думать о том, чтобы использовать нас, пока мы живы. Вот Покровский, ему 80 лет. Я ему заявляю абсолютно честно — он гений! Среди тех людей, которых я встречал, с которыми дружил.

Я дружил с Чарли Чаплиным, я дружил с Пикассо, я дружил с Шагалом, с Генри Муром, с Луи Арагоном. Давайте сделаем его театр. Давайте делать это для России.

(Из телевизионного интервью, данного студии «Дягилевь Центра» и предоставленного редакции «ЭС» Тинной Катаевой).

Рисунки Владимира Федоровича.

Пригласительный билет из 1968 года

Мы пишем Вам, чего же боле.
Что можем мы Вам сообщить! —
«Онегинцев» по доброй воле
Мы просим дом наш посетить.
Сперва мы промолчать хотели,
Но верьте — нашего стыда
Не пережить бы нам тогда.
НИКОГДА.
И Вы, к своей несчастной доле
Хоть каплю юмора храня,
Отдайте нам на день себя.

Пятнадцатого ровно в шесть
В Клуб композиторов придите,
(билетик этот прихватите).
Мы там все вместе сядем рядом
И, честь воздав волшебным ядам,
Не пригвоздим к столбу позора
За все ошибки дирижера.
Простим его, забудем горечь.

Ждем Вас.
Супруги Ростропович.

Главный редактор А. А. АВДЕНКО